

Был очевидцем

Category: Edebi makalalar, Kitapsu
написано kitapsu | 24 января, 2025
Был очевидцем БЫЛ ОЧЕВИДЦЕМ

Судьба человека созвучна крупным историческим событиям своего времени, своей земли. Вот и жизненный путь 81-летнего Айтбая Худайбергенова неразрывно связан со всей историей нашей республики. В нелегкие, ставшие испытанием для народа годы 1937-1946 – Айтбай-ага был председателем Совета Народных Комиссаров ТССР. Его заслуги отмечены двумя орденами Ленина, орденом «Знак Почета», восемью медалями.

Сейчас Айтбай-ага пенсионер живет в Ташаузе. С ним и встретился писатель и публицист Аллаяр Чуриев, а после встречи написал историко-публицистический очерк о жизненном пути ветерана. Мы публикуем сегодня отрывок из этого очерка – рассказ самого Атабая-ага о памятных страницах его жизни.

Из очередной командировки по селам и вернулся домой очень уставшим и сразу заснул. Далеко за полночь кто-то стал теревить меня за плечо. Незнакомый женский голос произнес «Вас вызывает первый секретарь». Я взглянул на часы – около двух ночи. Первое, что пришло на ум: «Меня хотят обманом выманить из дома, а по пути арестовать». Вышел, сели в машину – и прямо в Центральный Комитет.

Чубин дремал откинувшись в кресле. «Мы перевели Хивали Бабаева из комвуза на должность председателя Центрального исполнительного, – сказал он. – а тебя назначили председателем Совета Народных Комиссаров».

Я растерялся, потом решительно заявил, что не справлюсь с такой ответственной работой.

– А кто сможет изменить это решение? – и Чубин швырнул мне телеграмму.

В ней, за подписью Сталина и Молотова, было сказано, Айтбай Худайбергенов назначается председателем Совнаркома.

– Придешь завтра в десять часов, – сердито закончил разговор

Чубин.

В назначенное время он повел меня в кабинет Совнаркома, где уже собралось человек двадцать. «Это товарищ Худайбергенов Айтбай, наш председатель – представил он меня. – Желаю успеха!». – И вышел.

В аппарате СНК работало 160 человек. Но... ни одного работника местной национальности. Был один грамотный парень, Бяшим Дурдыев. Я взял его своим помощником. А вскоре пришел вызов в Москву, к Молотову. Взял с собой Бяшима, отправился в столицу. Подходим к воротам Кремля... Объясняю, что меня вызвали по работе. Наконец, нас пропустили.

Прошел через ряд дверей, оказался в приемной. Там были и другие ожидающие. Моя одежда по сравнению с ними выглядела очень скромной. Наконец, и меня пригласили. «Товарищ Худайбергенов на прежних руководителей республики есть жалоба, – сказал Молотов. – В Ашхабаде у вас сад вырубается, а на его место строиться дом стоимостью 10 миллионов рублей. Надо бы сократить расходы. Возьмите с собой инженера, подсчитайте, а потом снова приедете».

Был в Ашхабаде такой, очень грамотный инженер Алесковский. В годы гражданской войны он воевал вместе с Фрунзе. Алесковский тогда работал в совнаркоме. Мы вместе отправились в Сад Кеши. И в самом деле, деревья там вырубались, а на их месте строились двух и трехэтажные дома то ли во французском то ли в итальянском стиле. На втором этаже дома, предназначавшегося для Атабаева, запроектировали даже танцплощадку. Из тех десяти миллионов мы срезали три. Взяв наши расчеты, я вновь отправился в Москву и услышал: «Мало». Вернулся в Ашхабад, еще 600 тысяч урезали. Снова поехал к Молотову и говорю: «Если срезать и дальше, то в этих домах можно будет содержать разве что скот...». «Хорошо только по скорее заканчивайте строительство». В Кремле к тому времени я уже примелькался. Даже однажды услышал разговор постовых: «Раньше руководители среднеазиатских республик не приезжали так часто...».

В самом деле, едва вернулся, а впереди новая поездка. Дело в том, что было решено в Мары на площади в сорок тысяч гектаров посеять тонковолокнистый хлопчатник. Нас в Москве принял

Микоян, «Ты, Худайбергенов, получи согласие всех народных комиссаров, имеющих отношение к этому проекту». – сказал он. Народным комиссаром земледелия был Бенедиктов. Он сразу же поставил свою подпись, другие – тоже. Отказался подписать один народный комиссар финансов СССР Зверев.

«Хорошо, я пойду, переговорю», – сказал я. Два-три часа побродил по городу, а после обеда вновь появился у него. «Вот все народные комиссары, кроме вас поставили свои подписи. Я пошел к Сталину, а он говорит, что обязательно нужна подпись Зверева. Не подпишите – опять придется к Сталину идти», – говорю я ему. Он как-то странно посмотрел на меня и тотчас же расчеркнулся на проекте. Какой там Сталин – я и не собирался к нему идти! «Завтра состоится заседание Совета Народных Комиссаров. Там и будет рассмотрен вопрос. Только ты подготовься хорошенько. Сколько надо подготовить трактористов, сколько потребуется хлопкосушильного оборудования, что еще нужно – там и скажешь», – напутствовал меня Микоян.

В те времена, если тебя вызывали на заседание, надо было пулей влетать в дверь, а как только рассмотрение завершалось – так же, пулей вылетать оттуда. Не полагалось возиться, собирая свои бумаги. Сижу, жду. Один вопрос рассмотрели, второй.

А третий – наш. Едва вызвали – молнией влетел в кабинет. Встал неподалеку от того места, где сидели Молотов с Микояном. Окинул взглядом сидящих: Ворошилов, Буденный, Сталин, Булганин, Хрущев, Вознесенский. Мне стало не по себе, даже вспотел. Слышу голос Микояна: «С проектом все народные комиссары. Заслушаем доклад Худайбергенова или же утвердим сразу?». Меня снова бросило в жар. А Буденный сказал: «Худайбергенов впервые здесь, послушаем его».

Я с большим трудом овладел собой и начал говорить. Едва сказал, что республике нужно готовить ежегодно по 1500 трактористов, как Микоян перебил меня и спрашивает: «Худайбергенов, а сколько населения в республике?» «1 миллион 700 тысяч человек». «Но у нас же сейчас ни одного тракториста нет!» – возразил я. «Нет, – настоял он, – надо сократить это число наполовину». «В Ташаузе надо установить столько-то хлопкосушильных агрегатов,» – продолжаю я. А Микоян снова

перебил: «Постой, постой. Я был в Туркменистане дважды. Один раз в тюрьме, а во второй раз проездом, по делу. Хорошо помню, что в Каракумах обед без огня готовят. Ты что, с таким количеством агрегатов хочешь туркмен на солнце спалить?». И эту цифру снизили. Но проект, в конце концов, был утвержден. Еще помнится, как год спустя нас вызвали в Москву снова – на пленум ЦК. Туда, прямо на пленум, конвой привел из заключения Ежова. Сталин спрашивает у него: «Ты почему столько людей уничтожил?» «Вы мне доверили, и я поступал так, как считал нужным» – и больше ничего не добавил. «У кого какие вопросы?» спросил тогда Сталин участников пленума. – Вопросов нет? Уведите!» У Ежова отобрали партбилет и увели. И вдруг на трибуну вышла жена Молотова, Жемчужина. А она мне была знакома раньше. Когда я в 1936 году работал в Мары, она туда приезжала. Помню, как позвала меня к себе, чтобы расспросить о положении дел в районе. Когда я вошел в вагон, она ужаснулась: «Ты в сапогах и пиджаке? Как ты можешь в жару такую одежду носить?» Была она худенькой, тщедушной женщиной и в то время работала директором Союзглавпарфюмерии.

На пленуме она сказала: «Товарищи, меня и выучила, и человеком сделала партия. Ноя допустила ошибку: один из моих подчиненных, будучи за границей, нарушил режим. Готова понести за это любое наказание». Поставили на голосование. Подняли руку все, кроме Молотова, который сидел рядом со Сталиным. Так была исключена из партии и Жемчужина.

Очередь дошла до первого секретаря ЦК КП(б)Т Якова Абрмовича Чубина. Честно говоря, он был человеком мягким, никто от него никогда не слышал резкого слова. Но вместе с тем был и очень требовательным. В то страшное время бесконечных арестов в каждой республике были тайные «тройки». В них не входили ни председатель ЦИК, ни председатель СНК, а только первый секретарь ЦК компартии республики, нарком внутренних дел и прокурор.

И снова Сталин спрашивает: «Чубин, почему вы, не расследовав представленный список, подписали распоряжение о расстрелах?». Чубин тогда ответил: «По заведенному порядку никто, кроме троих, не должен об этом знать. Прокурор и НКВД предоставили

материалы. Я не имел права не подписывать их. В этом вопросе я проявил незрелость, товарищ Сталин». Его вывели из состава ЦК. Выступая на пленуме, Сталин велел приостановить уголовные дела арестованных на местах людей, заново пересмотреть их. И мы, приехав из Ашхабада, приступили к делу. Мне был поручен Ташаузский район. Знакомясь с делами, я увидел под многими подписью начальника НКВД по Ташаузскому округу Фотченко. Он был снят с работы, исключен из рядов партии.

В 1939 году состоялся XVIII съезд ВКП(б). я был делегатом этого съезда, избран членом Ревизионной комиссии...

Вскоре после начала войны, в час ночи мне позвонил Микоян: «Надо все предприятия перенести на военный режим». Положив трубку, я позвонил Фонину. Вызвав к себе народных комиссаров и председателя Госплана, провел срочное совещание. И тотчас же поступил к работе: на заводе «Красный молот» начали изготавливать корпуса для гранат, на швейных фабриках – шить форму для воинов.

А тут – и приказ о создании Туркменской дивизии. Все необходимое для нее мы собрали в колхозах. Потом еще несколько дивизий, одну за другой, формировали. Из Ташауза поначалу трудно было отправить людей на фронт. На конях добирались люди через Чарджоу. Трудно было собрать людей для рабочего батальона.

Однажды получаем телеграмму: меня и Фонина вызывают в Москву. Приезжаем, сидим в приемной Сталина. Поскрыбышев то зайдет, то выйдет, вроде бы до нас ему нет никакого дела. Я не отрываю взгляда от двери, а фонин сидит рядом и дремлет – у него вообще была такая привычка. Наконец. Первым вошел я, направился к Сталину, а он пошел навстречу мне. Поздоровались. Фонин сзади, Сталин подошел к карте на стене и сказал: «Что есть у подножья Копетдага, покажите.». «Не знаю, товарищ Сталин», – признался я. Тогда он провел рукой по карте, охватив территорию от Ашхабада до Ташауза, и от Красноводска до Куня Ургенча. «Вот на этой территории спрятаны огромные богатства» – говорит он. Я стою молча. – Сталин не любил, если добавляли что-то к сказанному им. В это время появились Молотов, Микоян, Каганович, Берия и нарком нефтяной

промышленности Неведов. Сталин достал листок бумаги: «Такой-то нефтеперерабатывающий завод надо перенести в Красноводск. Сегодня он нам необходим, как воздух, как вода. Возьмите проект и готовьте документы».

Взяли проект. Через пять дней снова пришли к Сталину. Он посмотрел документы, в двух пунктах сделал поправки и красным карандашом расписался. Кагановичу сказал: «будешь через каждый десять дней проверять и докладывать мне». Берий – «Ты обеспечь стройку пленными», Микояну – «Поговори о том, что бы срочно доставить инженера из Америки», а Неведову поручил обеспечить продовольствием рабочих.

Покончив с делами в Москве, мы вместе с Фониным поехали в Красноводск. Приехали, а там народу тьма-тьмуца. Уже работает чайхана, столовая, и строительство уже начато.

Секретарь Красноводского обкома партии Бондаренко однажды вызвал к себе американского инженера, работавшего на стройке. Инженер прождал немного в приемной – тот его не принимает. Тогда американец сказал секретарше: «Доложите, что я жду уже пять минут». Та доложила, а Бондаренко говорит: «Пусть еще подождет». Услышав такой ответ, инженер ушел на работу. Секретарь обкома разозлился и тот час же сообщил в Центральный Комитет, что американский инженер ему не подчиняется. Пришлось мне и секретарю ЦК КП(б)Т по промышленности Сергею Ионычеву специально выезжать в Красноводск. Поговорили с инженером. Он сказал: «Мы подписали контракт, у нас каждая минута на счету. У нас нет времени для того, чтобы, как ваши работники, по полчаса курить или болтать в рабочее время. Если у вас есть претензии по контракту, можете сказать, а по другим поводам прошу не беспокоить». Что ему на это скажешь? Он ведь был прав. На бюро ЦК КП(б)Т Бондаренко за его поведение был объявлен выговор.

В короткий срок завод был сдан эксплуатации. После этого мы получили приказ завозить нефть из Баку, а с нашего берега отправлять на фронт танки. А в Красноводске даже приличной, железной дороги нет. Маленькая ветка узкоколейка.

Нефть заливали в 10-15 цистерн и на судне перевозили в Красноводск. А здесь уже ставили эти цистерны на платформы и

везли на завод.

Прибыли танки – новые, «ИС» – поменьше «Тигра» и помощнее. Их надо срочно переправлять в Сталинград. А мы не знаем, что делать, как их на паром поставить. А танки все поступают. И подъемного крана нет. Там было два старых железнодорожника. Я позвал их к себе и спрашиваю: «Что делать?» «Если можно, найдите два трактора «С-80», – говорят они. Я переговорил с Ашхабадом, и из Ашхабадского района быстренько перегнали два новых трактора. Танки толкали тракторами и поднимали на платформы. Эти тракторы оказали нам неоценимую помощь.

Дважды в военное время я побывал у Сталина, гостил у него дома. Однажды он пригласил на обед Молотова, Фомина и меня. Там же были Берия и Жуков. Жуков только что вернулся из Ленинграда и буквально не умолкал. Он любил и пошутить, и поговорить. Но кроме него никто не смел, говорить при Сталине – разве что отвечали на вопросы.

Сталин любил борщ. В столовой у него был большой украинский чугунок. В нем был борщ, а в другом – суп. Он сам себе наливал борщ и предлагал другим «Берите и наливайте себе, что хотите». Простенький стол, не застеленный скатертью... Мы с Фоминым налили себе супа и съели по ложке, не больше. Как-то неудобно рядом с ним есть.

На западный фронт поехала туркменская делегация из семнадцати человек. Егоров секретарь ЦК КП(б)Т по промышленности, народный комиссар просвещения ТССР Бердыев, мой помощник Б. Дурдыев, директор прядильно-ткацкой фабрики Сапармухаммедова, председатель колхоза из Чарджоу Ходжаев, председатель ташаузского колхоза Оразгельды Эрсарыев, председатель марыйского колхоза Юсуп Гул... когда добрались до Москвы, меня вызвал к себе секретарь ЦК Андреев: «Знаю, что хотите скорее попасть в Ленинград, но в вашей туркменской дивизии произошли перемены. Командиром назначен Кузнецов, ранее работавший в Китае атташе. Хороший командир. Ты по пути посети туркменскую дивизию».

И снова – в путь. Когда доехали до Горького, комендант города Дубенко задержал восемь вагонов с продовольствием, которые следовали с нами. Егоров тогда в мне: «Давай что-нибудь

отдадим». А я возразил: «Ничего не дам». Тогда Дубенко предложил поехать к командующему фронтом Тимошенко. Его на месте не было, в штабе был только Яснов. Он спрашивает: «В чем дело?». «По решению правительства везем в Ленинград вещи и продовольствие. Восемь из этих двадцати пяти вагонов – для туркменской дивизии. А Дубенко пытается не пропустить их». Яснов выслушал меня и говорит: «Впереди немцы, танковая дивизия Гудериана. Обойдите их и проводите их до части. Пусть по будут там сутки, проведут свои беседы, вручат подарки».

Вот так и оказались мы буквально в пятистах километрах от передовой. Нас встретил Кузнецов, позвал Багши Атаева и его солдат. Мы вручили им подарки. На поле боя мы видели десятки трупов туркменских солдат – их еще не успели похоронить. Видели и прорванную нашими героями оборонительную линию – немцев завалы из деревьев, через каждые десять метров пулеметы. Видели их командный пункт, одежду убитых. Тоненькая синяя шинель – конечно, для российских морозов она была малопригодна... Потом пошли посмотреть на тело убитого фашистами Айдогды Тахирова. Командир дивизии Кузнецов сказал нам, что будет представлять Айдогды на звание Героя Советского Союза. Я, вернувшись в Ашхабад, назначил его семье специальную пенсию.

А потом – Ленинград. Поездка была небезопасной. За десять дней до нас здесь побывала узбекская делегация во главе с Ахунбаевым, и во время вражеской бомбардировки он был тяжело ранен. Секретарь Кировского обкома, приехавший чуть раньше погиб... «Придется ехать на машине по льду Ладожского озера. Это приказ Жданова», – сказали нам. Попытались сперва отправить вагоны, но их обстреляли, и наши вагоны отогнали назад. Мы все сели на одну машину. Через каждые сто метров стоит женщина, указывает путь. Оказывается, лед, который во время бомбардировки пробили снаряды, но скоро замерзает. После прибытия нас принял Жданов. «Вы – говорит, – не пытайтесь останавливаться в гостинице, потому что город то и дело подвергается артобстрелу, лучше пожить на судне».

На Балтийском флоте было судно «Полярная звезда», которое было построено специально для царской семьи. Разместили нас на этом

судне. Перед каждым поставили тарелку с супом и кусочки хлеба размером со спичечную коробку.

Мы стали очевидцами страданий и мужества ленинградцев. Помню, по площади бредет человек. Вдруг охает, садится – и умирает. Я своими глазами видел, как несколько человек умерли от истощения и холода.

Когда мы вернулись в Москву, из Туркменистана поступила телеграмма: «Переведено 100 миллионов рублей для приобретения боевых самолетов». Взяв телеграмму, я отправился в Комитет обороны, а оттуда в сопровождении полковника мы поехали в город Куйбышев. Авиазавод там был только что построен, и самолеты совсем недавно начали выпускать.

В лесу стоит. На снегу в два ряда выстроились старики и мальчишки, а в центре – вроде бы огромный сарай. Туда с одной стороны поступают крылья, с другой – хвосты, еще откуда-то подают колеса. Подкатят к ней на расстояние 50 метров, из самолета расстреливают ее – вот и все испытания. Мы купили 12 самолетов. Рядом с одним из них сфотографировались. Потом снимок этот обошел многие газеты. А в низу подпись: «Делегация Туркменистана купила самолеты, которые отправлены на фронт». Народ поднялся на бой – и потому вы выстояли.

* * *

О многом думаешь, читая этот бесхитростный рассказ ветерана: о неоднозначности исторических фигур, о возможности субъективности оценок. Но куда важнее другое: рассказ живое свидетельство очевидца. А очевидцев былого с годами все меньше среди нас. Вот почему так дорог нам неустанный поиск журналистов, публицистов – из небольших, мозаичных «осколков» воспоминаний складывается цельная и очень нужная сегодня история прошлого, история Туркменистана в неразрывной связи с историей большой страны.

А. Чуриев.

«Туркменская искра» 21.11.1991 год. Edebi makalalar